

УДК 82:801.6

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ И АРХЕТИПЫ В ПОЭЗИИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Н.М. Юсупова, кандидат филологических наук, доцент

В истории татарской поэзии XX века период Великой Отечественной войны стал временем новых художественных поисков. Новая «культурологическая, философская ориентация» стала импульсом для формирования новых тенденций в татарской поэзии военного периода. По мнению исследователей творческой психологии, в кризисных ситуациях, в поворотные, переходные моменты истории и общественно-философской мысли зачастую происходит активизация поэзии. Так и во время войны поэзия, претерпевая ряд изменений, становится наиболее популярной среди литературных родов. Основу поэзии военных лет составляют мотивы борьбы с врагом (А. Ерикеев «К борьбе, друзья», 1941), веры в победу, клятвы защищать страну («Ф. Карим «Клятва», 1942; М. Джалиль «Клятва артиллериста», 1941; М. Хусаин «За Родину»), ненависти к врагу (К. Наджми «Смерть фашизму!», А. Исхака «Кровь — за кровь»), прощания с родной землей (Ш. Маннур «Прощальная песня», А. Кутуй «Песня проводов», К. Наджми «Проводы», Ф. Карим «В последний раз смотрю на Волгу»), тоски. В поэзии изображаются героизм солдата, его вера в победу (Ш. Мударрис «В землянке», 1943; С. Хаким «Письмо», 1942; А. Файзи «На фронтовой дороге», 1943; Ш. Мударрис «Сапер», 1943; Ф. Карим «Связной»), героический труд женщины в тылу (К. Наджми «Хаят апа», 1941, «Сагыну хаты», 1942), тема войны проявляется в самых разных тематических аспектах. Инвариантными для них яв-

ляются агитаторско-пропагандистская интонация, публицистичность, наличие героического (Ф. Карим «Игра смерти», М. Джалиль «Мои песни» и др.) и трагического (Ф. Карим «Гульсум», М. Джалиль «Варварство») пафосов.

Поэзию военных лет отличает разнообразие и своеобразие мотивов, особенно архетипических и мифологических. Литература советской эпохи вообще отличается ярко выраженной мифологичностью и со временем, по мнению Гюнтера, все более «превращается в официальный резервуар государственных мифов» [2; 743]. Модель мира, сформировавшаяся в художественной словесности в 1920–1930-е гг. XX века, существенно отличается от духовно-эстетических исканий и художественных исканий предшествующих эпох. В процессе созидания тоталитарного синтеза искусств эстетическая функция утрачивает свое привилегированное положение в литературе. Ю. Борев утверждает, что для XX столетия в целом «свойственно стремление к морально-политическому единению, к подчинению слову гениального вождя» [1; 456].

Начало социально-политических реформ, изменивших культурные ориентации общества, сопровождается подсознательным приближением словесности к идеологической мифологии, мифопоэтическим универсалиям и архетипам. Так, социально-политические реформы 1930-х гг. становятся основой для новых идеологов и мифологов. Марксистская теория для достижения своих целей ориентируется на воспита-

ние чувств патриотизма, преданности Родине, и эта функция во многом возлагается на литературу, которая становится «одним из главных источников создания государственной мифологии» [2; 743].

Схожая тенденция наблюдается и в татарской литературе, вкратце проследим ситуацию на материале национальной поэзии. Начиная с 20-х годов XX века в татарской культуре плюрализм художественных поисков постепенно сменяется тенденцией к художественно-эстетической унификации, обусловленной утверждением марксистского литературоведения. Стремление авторов к изображению героев, в своей судьбе отражающих ход социалистического строительства и победу класса пролетариев, людей, вобравших в себя качества, которые могли бы служить примером для подражания, оборачивается поиском новых художественных приемов и универсалий, мифологических структур для выделения идеологического содержания. Мифологические концепции советской эпохи, идеологическая мифопоэтика накладывают свой отпечаток на татарскую поэзию 1920–1930-х гг., в произведениях тех лет доминируют идеологические мотивы и архетипы советской культуры. Поэты 1920-гг. интенсивно переосмысливают традиционные приемы создания «идеологического мифа» и применяют их для оценки социальных явлений новой эпохи, в стихах ярко прослеживается связь с историческими, общественно-политическими реалиями. Например, Д. Загидуллина определяет наличие трех идеологических мотивов в творчестве М. Джалиля: вера в светлое будущее, жертвенность, борьба за победу «социализма», которые сопровождаются мифологическими образами Родины, Красного знамени и т.д. [3; 70]. В стихах «Счастье», «Красный город», «Красный праздник», «Перед смертью» М.Джалиля интерпретация идеологических атрибутов увязывается с преданностью советской идеологии,

доминирует мотив борьбы за светлое будущее. В таких произведениях поэта, как «Сын пахаря», «Лед тронулся», «Старая сибирская песня», «Наша деревня» в художественной картине мира представляется временная оппозиция прошлое/настоящее, превалирует принцип сопоставления прошлого и настоящего. При этом прослеживаются мотивы жертвенности и светлого будущего, появляется лирический герой, утверждающий социалистический взгляд на мир.

Поэтические произведения 1930-х гг. характеризуются избытком таких идеологических мотивов, как ненависть, борьба за светлое будущее. Среди действующих персонажей советского мифа главную роль играют архетипы героя, врага и «мудрого отца». В стихах того периода наблюдается сакрализация вождя, Ленин принимает черты «мудрого отца», в процессе мифологизации участвуют символические образы света, солнца или огня. Образ врага представляется как «внутренний враг – вредитель» или «объективный противник, который определяется как объективная опасность для государства независимо от его субъективных намерений, планов и действий» [2; 750]. Самая динамичная фигура советского мифа – герой – в поэзии 30-х гг. XX века выступает в разных проявлениях: герой социалистического труда, герой-воин, герой-жертва и политический деятель, образ героя получает интерпретацию борца за свободу угнетенных классов, патриота, т.е. намечается и реализуется тенденция к социологизации образа.

Именно такие мифологические концепции советской эпохи, идеологическая мифопоэтика накладывают свой отпечаток на поэзию военного периода: в лирике доминируют идеологические мотивы, среди действующих персонажей советского мифа главную роль играют архетипы героя, врага, «мудрого отца» и Родины-матери.

Реализм 1930-х гг. в годы Великой Отечественной войны обогащается ро-

мантическими приемами, что зачастую приводит к взаимопроникновению, синтезу романтического и реалистического. С помощью реалистических приемов изображается «вся правда» войны, романтический пафос направляется на создание образа советского солдата как сказочного богатыря, обладающего беспрецедентным мужеством и героизмом. На фоне таких приемов воссоздается один из наиболее распространенных архетипических образов советской мифологии — образ-героя, представленный в литературе в различных модификациях: герой труда, герой-воин, герой-жертва. Противостояние народа врагу становится предметом гиперболизированного изображения, сопоставимого с противопоставлением добра и зла в средневековой литературе.

В художественной картине мира выделяется ряд «идеологически» окрашенных семантических оппозиций: жизнь/смерть, мы/враги (М. Джалиль «Письмо из окопа», «Клятва артиллериста» и др.), родная земля/чужбина (Ф. Карим «Ветка черемухи», «У нас, наверное, весна», М. Джалиль «В Германии» и др.), война/мир (А. Ерикеев «Только к ночи стихла битва», М. Джалиль «Чулпан»). Оппозиция жизни и смерти относится к числу универсальных семантических оппозиций, которая в развитии литературы приобретает различные варианты. В поэзии военных лет эта оппозиция актуализируется в формуле «жизнь — смерть — бессмертие» (М. Джалиль «Песня моя», «Чулпан»; Ф. Карим «За Родину» т.д.), в которой смерть осмысливается не как небытие, а как инобытие.

В годы войны на смену мотивам строительства светлого будущего, священной жертвы, борьбы 1920–1930-х гг. приходят мотивы веры в победу, призыва к борьбе, ненависти к врагу и клятвы защищать Родину (М. Джалиль «Песня моя», «Против фашизма», 1941, «На последний бой», 1941, «Клятва артиллериста» и др.). Например, в «окопной поэзии» М. Джалиля обнаруживается

синтез идеологических и философских мотивов. Среди идеологических мотивов это мотивы веры в победу, призыва страны к битве, ненависти к врагу и клятвы защищать Родину, среди образов-мифологем — страна, знамя, герой-боец. Во фронтовой лирике поэта в художественной картине мира на первый план выходит бинарная оппозиция жизнь/смерть в разных модификациях: смерть/бессмертие, трагическое/героическое, свое/чужое, советский солдат/образ фашиста. На фоне этого обнаруживается активизация философии жизни и смерти, дихотомия смерти—бессмертия становится основой в философии жизни и смерти. М. Джалиль понимает смерть за Родину не как уход в небытие, а как переход в Вечность; смерть во имя Родины воспринимается как путь к бессмертию. Призывающая народ к героизму и пронизывающая этим пафосом литературу идеология внедряет в сознание мысль о праведности смерти в борьбе с врагом («Песня моя», 1941; «Чулпан», 1941; «Прощай, любимая», 1941). Если в стихах, написанных в первые дни войны («Песня моя», «Против фашизма», 1941, «На последний бой», 1941, «Клятва артиллериста») преобладают мотивы ненависти к врагу, призыв к битве, то в стихах «Клятва артиллериста», «Прощай, любимая», «Письмо фронтовое», «Чулпан» центральными мотивами становятся преданность своему народу, клятва защищать Родину, вера в непобедимость советской страны, гуманизм, патриотизм и бессмертие:

Жырым, синдә минем гәүдәләнде

Илне сөйгән йөрәк тибешем.

Жырым иде антым:

«Яшәсәм дә,

Үлсәм дә тик туган ил өчен!»

(«Әйдә, жырым»).

Например, в произведении «Чулпан» душевные переживания лирического героя переплетаются с мотивами патриотизма и непобедимости. Через многогранный романтический сим-

вол, получивший широкое социальное и философское истолкование в фольклоре и классической поэзии как Звезда Чулпан, раскрывается внутренняя драма лирического героя, кроме того, образ-символ становится художественным приемом утверждения мотива непобедимости.

В стихотворениях «Из госпиталя», «Весна в Европе» появляется новый мотив сожженной, разоренной Родины. Схожую тенденцию наблюдает Б.Минцель в симоновской балладе «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины» [4; 961]. Однако обращение поэта к фольклору, к традиционным мифологическим образам позволяет автору преодолеть идеологический схематизм.

В «Моабитских тетрадах» поэта на первое место выходят философские мотивы; философское осмысление жизни и смерти, понимание истинности поднимается на новые высоты, обогащается новым содержанием. В «Моабитских тетрадах» обнаруживаются такие мотивы, как преданность народу и Родине, вера в победу, тоска по Родине и свобода [3; 72]. Образ-архетип героя-воина трансформируется и предстает в новом ракурсе как преданный служитель Родине, герой-поэт. В стихах рассматриваемого периода такие качества, как преданность народу и нации, граничащая с жертвенностью, душевность и гуманизм детерминировали многозначность героя нового типа. При этом личность поэта и его борьба против фашизма, творчество рассматриваются как дифференцированное целое. Мотивы клятвы и веры становятся основными в раскрытии отношений между поэтом и Родиной. Если в предыдущий период смерть понималась как путь к бессмертию, то в плену — как путь к освобождению. В этой связи в лирике М. Джалиля появляется неписываемая в идеологические рамки правда личности, что выражается в оппозиции правды идеологии / правды человека.

В «Моабитских тетрадах» мотив трагизма проявляется в стихах «В стране Алман», «Палачу», «Волки», «Послед-

няя песня», «Раб», «Перед судом» и др. Бросается в глаза двуплановость трагического: с одной стороны, это трагедия поэта, заранее знавшего о своей гибели под фашистской гильотиной, с другой — трагедия немецкого народа, ставшего жертвой фашизма.

В стихах «Не верь», «Волки», «Другу», «Прости меня, Родина» человеческую свободу Джалиль связывает со стойкостью, честью и утверждает мысль о преданности народу самого и своих друзей. При этом, в отличие от довоенной лирики, в лирике поэта ясно различима мысль о предопределенности судьбы.

Религиозные мотивы звучат в «Моабитских тетрадах» как составная часть культурной традиции. Обнаруживается мифологизация материнского начала, оживает цепь символов родина — природа — «малая родина» — мать в стихах «Поэт», «Любимой», «Дороги», «Молодая мать», «Ненависть» и т.д. Система классических образов, перекочевавших из произведений многовековой художественной литературы, приводит поэта к осмыслению философской сущности бытия («О подвиге»). Например, в балладе «Ана бэйрэме» обнаруживается ряд сказочных моментов: трое сыновей, двое из которых погибают на охоте, а третий, обладающий «алмазным мечом», возвращается победителем; образы ветра и голубя, приносящих страшную весть, после которой слепнет мать; чудесное исцеление матери и все эти мотивы становятся средствами прославления борьбы. В балладе «Соловей и родник» посредством аллегорий автор раскрывает мысль о святости смерти во имя Родины.

В стихах еще более усиливается связь образов народной мифологии и образа родной страны. Во многих стихотворениях М.Джалиля концепт «родина» оказывается национально окрашенным. Тоска лирического героя по родине, о которой поэт пишет «*Туган илем, якты өем*», передается через ряд национально-мифологических образов, таких как ласточка, золотая рыбка,

быстроногий аргмак. Национальную окраску образу родины придают образы соловья и родника, ромашек, голубя, ветра, цветов, детали, позволяющие создать образ «Көрәшче-егет»: бело-сивый конь, алмазный меч и др.

Схожие мотивы наблюдаются и в творчестве Ф. Карима. Как и в поэзии М. Джалиля, в его стихах обнаруживаются идеологически окрашенные мотивы борьбы за свободу Родины, веры в победу, ненависти к врагу и клятвы защищать страну. Эти мотивы предстают перед читателем через ряд оппозиций (я/враг, война/мир, родная земля/чужбина), главной из которых становится оппозиция жизни и смерти в ее различных модификациях: смерть/бессмертие, трагическое/героическое. Архетип героя раскрывается в поэзии Ф. Карима как образ героя-бойца. Например, в стихотворении «Клятва», в котором структурообразующей становится оппозиция я/враг, трагедия страны, семьи, трагедия ребенка становится причиной горьких чувств героя и определяет содержание его клятвы. В клятве, во-первых, выражается преданность стране, во-вторых, она (клятва) становится оправданием смерти:

*Шушы балам очен, синең очен,
Нәселем очен, Туган ил очен,
Мылтык тотып баскан жиремнән
Бер адым да артка чигенмәм.*

Мотив ненависти к врагу становится основным в стихах «Кого пожалеть», «У нас, наверное, весна». Так, в стихотво-

рении «У нас, наверное, весна» поэтическая идея раскрывается посредством оппозиции мира и войны. Автор противопоставляет два мира: часть страны, захваченную фашистами, и ту ее часть, где еще царит мир. Противопоставление ужаса войны и прекрасного мира становится одним из излюбленных приемов Ф. Карима. В стихе, написанном в форме письма-монолога, образ весны становится символом надежды, обновления и светлого будущего:

*Яшен уты белән күккә язып әйтәм:
Язы юкның яшәү хакы юк!*

Посредством антиномичного образа весны Ф. Карим доводит до читателя свою философскую идею: фашизм истребляет не только людей, он уничтожает и все прекрасное в природе. В стихах «Путь», «В разведке», «Я – гуманист» на первое место выходят мотивы борьбы за свободу страны. В таких стихах, как «Друг», «Родная мать», «В последний раз смотрю на Волгу», «Бабочка белая» преобладают трагические мотивы, обусловленные личной трагедией лирического героя, связанной с расставанием с семьей, потерей близких людей, гибелью фронтовых друзей.

Итак, краткий обзор системы идеологических мотивов и диахронических трансформаций мифологических образов-архетипов в татарской поэзии военных лет свидетельствует об изменениях, происходящих в развитии татарской поэзии, позволяет наметить дальнейшие пути ее эволюции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Боров Ю. Особенности литературы в XX веке / Ю.Боров // Теория литературы. Литературный процесс. – М., 2001. – Т. 4. – 456 с.

² Гюнтер Х. Архетипы советской культуры / Х.Гюнтер // Соцреалистический канон: Сб. статей под общей ред. Х.Гюнтера и Е.Добренко. – СПб: Академический проект, 2000. – С. 743–785.

³ Загидуллина Д. Мифологические образы в творчестве М.Джалиля / Д.Загидуллина // Муса Джалиль: творчество и подвиг. Взгляд из XXI века. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина, 2006. – С. 69–73.

⁴ Минцель Б. Советская лирика сталинской эпохи: мотивы, жанры, направления / Б. Минцель // Соцреалистический канон: Сб. статей под общей ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. – СПб: Академический проект, 2000. – С. 953–969.

Аннотация

В истории татарской поэзии XX века период Великой Отечественной войны стал временем новых художественных поисков. Поэзию военных лет отличает разнообразие и своеобразие мотивов, особенно архетипических и мифологических. Мифологические концепции советской эпохи, идеологическая мифопоэтика 1920–1930-х гг. накладывают свой отпечаток и на поэзию военных лет: в лирике доминируют идеологические мотивы, среди действующих персонажей советского мифа главную роль играют архетипы героя, врага, «мудрого отца» и Родины-матери.

Ключевые слова: мифологизм, идеологический миф, архетип, мифологический образ.

Summary

The poetry of war time is characterisece by variety ance peculiarity of motives, espectaiiy of archetypical and miphological ones. Viphological concepctions of Soviet period, ideological miphopoetics of 1920–1930-s leave its mark upon the wartime poetry.